

«— На нем была маска, закрывающая всё лицо, и я сравнил его наряд со всеми людьми из списка, его там не было. Похоже, это был незванный гость. Думаю, что он использовал деньги, чтобы проникнуть внутрь, но в последнее время нередко тайком приглашают незнатных торговцев на такие балы, поэтому его лицо даже не проверили. Он приехал на обычной карете, поэтому мы ищем людей, которые арендовали экипаж в это время. Но если кучер также не проверил его личность, то найти его будет трудно».

Если бы это был торговец, то он бы не стал приезжать на обычном экипаже, чтобы как-то продемонстрировать свое богатство. Этот человек словно тщательно скрывал свою личность, чтобы его никто не выследил. Кроме того, не было ни одного свидетеля, который бы видел его на балу, он навредил Эйли и сразу же исчез. Значит этот человек специально подошел к ней, чтобы причинить ей вред.

«Есть только один человек, кто мог приблизиться к Эйли с такими нечистыми намерениями».

«— Проверьте, не выезжал ли кто-либо из особняка Лизиана той ночью».

Дайкин приказал своим людям не следить за каждым человеком в отдельности, а лишь наблюдать за общей динамикой. Если бы он знал, что подобное произойдет, то прикрепил бы хвост к каждому члену семьи Лизиана. К счастью, ответ не пришлось долго ждать. Менее чем за пол дня им удалось выяснить, кто это был.

«— Лейн Лизиана покинул особняк поздним вечером. Также нашлись свидетели того, что он арендовал экипаж, но не сел в него. Кучер сказал, что, осмотрев местность, Лейн Лизиана приказал ему ехать на бал и пересел. Он был одет в повседневный костюм, нам не удалось установить, была ли при нем маска, но приблизительно в это же время неизвестный вошел в бальный зал».

Глаза Дайкина потемнели, когда он услышал эти слова. Поскольку все виды связи с эрцгерцогством блокировали, они выбрали такой способ. Таумизель, издевательства, а теперь вот это.

Дайкин не мог оставить Эйли, пока она не откроет глаза, но он должен был что-то с ними сделать. Но сразу уничтожить графскую семью было бы неинтересно.

«Для начала я отрублю одну руку. Избавлюсь от левого запястья, ведь он поранил Эйли его. А, если подумать, какую руку она повредила из-за этого ублюдка пять лет назад?»

Дайкину не пришлось долго вспоминать. Это была правая рука.

«Значит, нужно отрубить одно левое запястье и одну правую руку. Дурную привычку можно исправить, только если они на своей шкуре испытают то же самое. Конечно, даже если они исправят свое отвратительное поведение, я не собираюсь никого щадить».

В любом случае Эйли должна была сначала очнуться. Дайкин знал, что ему не понадобится много времени, чтобы отрубить руку, ведь он делал это много раз на поле боя. Но что, если Эйли очнётся за тот короткий период, что он оставит её? Дайкин не мог этого сделать.

Он ненадолго закрыл глаза, а затем открыл их.

«Я не должен думать рядом с Эйли обо всем этом. Я не могу приветствовать её свирепым выражением лица».

Дайкин сделал глубокий вздох. А затем оживил в памяти все моменты, связанные с Эйли. Их первая встреча, её странно спокойное выражение лица, с которым она подошла к нему в свадебном зале, и причины, почему Эйли согласилась на этот брак, которые он выяснил в их первую брачную ночь. Слова о разводе, застенчивая улыбка, которая появилась на её губах в тот момент, когда она дарила ему подарок, и счастливое, как у ребёнка, лицо под яркими лучами солнца.

«— Я уверена, что ты пожалеешь об этом. О том, что женился на мне из-за того, что обещал это сделать, когда был совсем юным... Чувства легко меняются».

«Как я могу сожалеть об этом? Встреча с тобой — счастье для меня. Да, возможно, как ты и сказала, это мимолётные чувства, которые зародились в юности. Может быть, я дурак, который был просто влюблён пять лет.

Сначала я решил, что беспокоюсь о тебе, потому что ты стала моим благодетелем, который спас меня, а затем я понял, что постоянно думаю и переживаю за тебя. Потом мне пришло в голову, что я влюбился в тебя, потому что ты была первой, кто отнёсся ко мне как к человеку и другу. Но теперь, когда я думаю об этом, понимаю, что мне понравилась с самого начала

просто потому, что это была ты. Я был очарован с первой встречи, и даже не пытался забыть тебя после.

Почему в некоторых романах мужчины и женщины, которые не должны были вместе, влюблялись друг в друга при первой встрече на маскараде, клялись друг другу в вечной любви спустя сутки и, не колеблясь, умирали, чтобы добиться своей любви? Я тоже такой. У чувств нет смысла и объективности. Ты мне просто нравишься. Говорят, что нет ничего хуже любви без причины, но что, если я просто люблю?

Поэтому сейчас я на тебя очень обижен. Нет, не очень, лишь немного. Теперь, если подумать, ты подготовила и спрятала яд в первый день свадьбы не для того, чтобы скормить его неизвестному мужу, а чтобы принять самой. Ты была зациклена на разводе, потому что собиралась уйти, чтобы скрыть, что ты болеешь. Возможно, ты думала, что не подходишь этому месту и только мешаешься из-за своей болезни. Поэтому ты хотела уйти, чтобы не оставлять пятно на репутации нашей семьи.

Я был так счастлив, получив от тебя платок, но теперь он мне не нравится, потому что, похоже, это был прощальный подарок. Я хранил его вместе с высушенными космееми, которые ты мне дала. Там же лежат страницы, вырванные из книги, которые я запомнил наизусть. Я был счастлив, что теперь у меня есть ещё одно воспоминание, связанное с тобой. Даже если я захочу, то не смогу забыть вышитую тобой сирень, ведь я постоянно смотрел на нее, и она врезалась в мою память.

Скажи мне, что то, о чем я думаю, просто ошибка.

...Нет, я просто дурак. Это моя вина. Прости меня. Всё было очевидно с самого начала. Ты часто называла меня дураком. Я и правда дурак, поэтому назови меня так хотя бы ещё раз. Почему? Почему ты пыталась справиться со всем одна?

Ты сказала, что я тебе нравлюсь. Очень нравлюсь.

Почему я даже не задумывался о том, как ты смогла спасти меня? Я даже не знал о том, что твоя способность просачивается наружу! Возможно ли, что из-за того, что ты неосознанно использовала свои силы и спасла меня от «взрыва», ты сейчас в таком состоянии? Значит я живу, отняв жизнь у тебя? Я недостойн, чтобы меня называли человеком».

Дайкин злился на себя за то, что ничего не знал. За то, что нёс всякую чушь о том, что сделает её счастливой, не зная о её страданиях. Хуже всего было жить, лишив Эйли жизни. Затем он разозлился на графскую семью за то, что они заставили её принимать такое лекарство. За то, что издевались над ней. Ему захотелось разорвать их на куски. Затем, в конце концов, Дайкин разозлился на Эйли за то, что она попыталась уйти, ничего не сказав. Должно быть, она чувствовала себя виноватой из-за своей болезни, но тот факт, что Эйли не была честна с ним до конца, заставил его грустить.

Чем больше Дайкин думал об этом, тем сильнее винил себя. Он решил, что не смог

заслужить её доверия. Дайкин был так счастлив, что Эйли была рядом с ним, что просто поставил свои чувства на первое место. Если бы он заслужил её доверие, то она хотя бы раз сказала ему об этом.

Ругательство вертелось на языке Дайкина, но он проглотил его. Стрела гнева, сделав оборот, снова была направлена на него. Бессилие, отчаяние и гнев охватили его и утащили в пучины ада. Измождённые глаза потеряли свой блеск.

«Только один раз, скажи мне об этом ещё раз. Я дурак, поэтому, пожалуйста, дай мне ещё один шанс. Я сделаю всё возможное. Я прослежу, чтобы никто из графской семьи не вступал с тобой в контакт. Я со всем разберусь через несколько дней, когда ты очнёшься. Нет, этого срока мало. Я заставлю страдать их месяц, а потом избавлюсь от них. Я не позволю тебе снова заболеть. Но чтобы сделать всё это, ты должна открыть глаза. Можешь дать мне ещё один шанс?»

Заканчивался третий день. Дайкин ждал, не теряя надежды. В этот момент Эйли тяжело задышала и задрожала. Дайкин подумал, что у нее припадок, поэтому поспешно вызвал врача и попытался засунуть салфетку в рот, чтобы она не прикусила язык. Дрожь прекратилась. Плотные закрытые веки дрогнули, и она медленно открыла глаза.

— ...Эйли!

Когда Дайкин позвал её по имени, она повернулась в его сторону. Услышав его крик, медицинский персонал бросился проверять состояние Эйли. У Дайкина перехватило дыхание. До этого он был немного обижен на Эйли, но, посмотрев ей в глаза, совершенно забыл об этом. Дайкин просто хотел получить ещё один шанс и прятал свою тревогу за обидой. Его лицо было залито слезами.

— Спасибо, — бормотал он снова и снова, не зная, кого благодарит.

Я непонимающе огляделась по сторонам. Не уверена, что подобрала верное слово. Вокруг меня были только чёрные тени. Я чувствовала себя так, словно провалилась в глубокую пропасть. Было очень темно. Я не могла понять, где нахожусь.

«Я умерла?»

Я подняла руку и попытался посмотреть на нее, но не смогла её разглядеть. Я не чувствовала прикосновений и ничего не слышала. Хотя я и сказала, что вижу что-то чёрное, я не была уверена, действительно ли я смотрю куда-то. Всё было черным. Я даже не чувствовала боли.

Неужели я действительно умерла? Я так сильно этого хотела, но меня не радовала собственная смерть. Я чувствовала себя беспомощной. Притворившись взволнованной, я восторженно воскликнула: «Наконец-то всё закончилось!», но это не сработало.

Я никуда не шла, а просто парила в темноте. Словно ждала чего-то. Я вспомнила последнее, что видела. Это был Кин. Он плакал. Всё ли с ним в порядке?

Я не хотела, чтобы Кин узнал обо всём так. Не хотела видеть его слёзы. Хотя я эгоистично надеялась, что Кин будет горевать и плакать после моей смерти, но я не хотела этого видеть.

Я вспомнила лицо Кина, залитое слезами. Я почувствовала боль там, где не должна была её чувствовать. Казалось, кто-то сжимает мое сердце.

«Больно».

Я знала, что он будет грустить из-за меня, но сцена, увиденная мной собственными глазами, разбила мне сердце. Я должна была утешить его, чтобы он не плакал. Если бы я знала, что от его вида в слезах у меня перехватит дыхание, то лучше бы рассказала ему всё сама. Даже если бы он меня не отпустил, я должна была попрощаться.

Я так хотела умереть, но когда смерть пришла, так и не обрела покой. Мне было больно. Меня охватило сожаление. Если собиралась это скрывать, нужно было делать всё как следует. А это что такое?

Вина, сожаление, слабость и беспомощность охватили меня. Чувство вины перед оставленным человеком причиняла мне боль. Меня не страшила смерть, потому что я думала, что бояться нечего. Это была моя ошибка. Кажется, они значили для меня намного больше, чем я думала.

Есть люди, которые знают, что будут несчастны, но всё равно летят в огонь, словно мотыльки, и их охватывает сожаление, но лишь тогда, когда их тела уже сжигает пламя. Я не должна была это делать. Это было неправильно.

Раньше я была уверена, что со мной такого не случится. Вот почему я пыталась подавить свои чувства, чтобы не сожалеть ни о чем. Однако, когда возникла такая ситуация, меня захлестнули эмоции.

«Я не хочу умирать».

Чувства, которые я пыталась скрывать, вырвались наружу. Я не хотела умирать, я хотела жить. Я хотела жить дальше. Прожить счастливую жизнь и умереть. Когда я снова очнусь, то буду умолять всех, спасти меня. Хочу попросить не бросать меня.

«— Если ты очнёшься, будешь ли честно просить о помощи?» — спросил кто-то.

Я не могла ничего сказать. Если я снова очнусь? Я могу снова очнуться?

...Если мне дадут ещё один шанс, могу ли я бесстыдно умолять их спасти меня?

Никто не мог дать мне ответ.

<http://tl.rulate.ru/book/52588/2592245>